

Лион Измайлов

ДОРОГИЕ МОИ

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 78.071.1(474.3)

ББК 85.313(3)-8

ИЗ7

Измайлов, Л.М.

ИЗ7 Дорогие мои / Лион Измайлов. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 336 с. — (Портрет Эпохи).

ISBN 978-5-17-094408-8.

О чем эта книга? «Естественно, о себе. Честно и откровенно. Я высокий голубоглазый блондин, красивый. У меня первый разряд по боксу, второй по плаванию, третий — по лыжам. Меня очень любят женщины. У меня только один недостаток. Я очень люблю приврать», - отвечает нам сатирик Лион Измайлов.

Смешные и трогательные до слез рассказы о себе, своем детстве, своей юности, своих друзьях и знакомых — в этой книге собраны самые лучшие истории Лиона Измайлова, которые понравятся любому читателю.

УДК 78.071.1(474.3)

ББК 85.313(3)-8

ISBN 978-5-17-094408-8.

© Лион Измайлов, текст, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

АВТОБИОГРАФИЯ

Естественно, о себе. Честно и откровенно. Я высокий голубоглазый блондин, красивый. У меня первый разряд по боксу, второй по плаванию, третий — по лыжам. Меня очень любят женщины. У меня только один недостаток. Я очень люблю приврать. А если серьезно, то я невысокий, не блондин, не очень красивый. Женщины меня любят, но только беременные. Кто-то им сказал, что в этот период им надо общаться с высокими, красивыми. Видите, меня опять заносит. Но если говорить серьезно, то я родился в простой крестьянской семье, мать — русская, отец — киргиз, сам я — еврей.

Не верите? А почему, когда Киркоров говорит, что он болгарин, вы верите?

У него отец — армянин, мать — еврейка, сам — болгарин.

Как говорит Винокур, когда армяне живут с еврейками, получают такие болгары.

А на самом деле широкую общественность, должно быть, интересуется, откуда взялся у меня юмор.

От дедушки. По-моему, мой дедушка обладал хорошим, тонким юмором. Моя тетя мне рассказывала, что он каждый вечер сидел за столом, пил чай и приговаривал:

— Какой вкусный и полезный чай, если этот чай пить сто двадцать лет подряд, можно долго прожить.

По-моему, хорошая шутка.

Когда дедушка заболел, пришел к нему врач, сел на постель и спросил:

— Ну, что у нас болит?

Дедушка сказал:

— Не знаю, что у вас болит, а у меня нога, на которую вы сели.

Как и все дети, я учился в школе, причем был отличником. После седьмого класса поступил в авиамоторный техникум. Затем, поработав на заводе, поступил в Московский авиационный институт, который называли театрально-спортивный институт с легким авиационным уклоном.

Закончил МАИ, и как говорит Задорнов, закончивший тот же институт: «Измайлов — интересный человек. Шесть лет проучился в авиационном институте, а до сих пор не может понять, почему самолеты летают, а крыльями не машут».

После института я очень недолго работал в авиационной промышленности, и за одно это общество должно быть мне премного благодарно, сколько жизней я спас, не работая по созданию самолетов.

Я стал писать для эстрады... И мы с вами, дорогой читатель, знакомы не только потому, что вы меня видели на экране телевизора, но и по моим бессмертным произведениям, которые исполняли наши лучшие эстрадные артисты.

Слегка напомним. Наверное, кто-то из вас помнит монологи учащегося кулинарного техникума. Это в том числе и я. В смысле — автор. А помните монолог, с которого началась настоящая популярность ныне очень известной артистки Елены Степаненко «Письмо Биллу Клинтону»? Это тоже я.

А «Войну и мир» помните? Тоже хороший автор написал.

Кроме эстрады я также писал уроки «Радионяни», «Ералаши». Собственно, с рассказа «Ненужные словечки», написанного нами с Валерием Чудодеевым, и начался детский сатирический журнал «Ералаш».

Но самое главное — я регулярно печатался в «Клубе «12 стульев» «Литературной газеты». Тогда, в 70-е годы, она издавалась тиражом 5 миллионов экземпляров. А это значит, что 15–20 миллионов человек по средам начинали читать эту газету с шестнадцатой страницы, где был «Клуб».

Когда я получил первую свою премию, «Золотого теленка», Валентин Гафт написал на меня эпиграмму. Вы, конечно, знаете, что Гафт пишет обычно добрые, комплиментарные эпиграммы. Вот и про меня такую же сочинил:

*Повезло тебе, придурку,
Что попал в «Литературку».*

А когда я получил свою третью премию «Золотого теленка»... Кстати, я единственный автор трижды лауреат этой премии. Единственный. Все остальные — четырежды, пятирежды и шестирежды лауреаты.

Так вот, когда я получил третью премию, а время тогда было дефицитное, Гафт написал так:

*В стране с продуктами не в жилу,
За мясом полчища стоят.*

*А вот такой, как ты, чудила
Уже сожрал троих «телят».*

Тогда же, в 72-м году, я стал выступать с «Клубом». Это была лучшая в стране юмористическая команда. Арканов, Горин, Хайт, Бахнов. В качестве «самодетельности» Хазанов и Фарада. Возглавлял эти выступления главный администратор «Клуба» Виктор Веселовский.

Нам хорошо платили, и улучшившееся материальное положение позволило мне жениться. Жена, Елена, мне досталась симпатичная во всех отношениях. Единственным её недостатком был её муж.

Не знаю, как у вас в семьях, а у нас так повелось: что бы ни произошло, во всем виноват только я.

У вас такого, конечно же, быть не может, это только в моей семье так.

Даже когда американцы вошли в Ирак, она сказала мне:

— Ну что, допрыгался?

А однажды сижу за столом, никого не трогаю, пишу. Она входит в комнату с чашкой в руках. Чашка падает и разбивается. Она смотрит на меня зло.

— Что, — говорю, — ничего не придумала, сижу, молчу.

Она как закричит:

— Молчишь тут под руку! — Нашлась всё-таки.

В 1978 году начала по ТВ выходить передача «Вокруг смеха». В ней стали показывать писателей-сатириков. Нас стали узнавать в лицо.

Но узнаваемость у меня какая-то странная, причем до сих пор. Ко мне как-то подошла девушка, протянула книжку Коклюшкина и сказала:

— Распишитесь, пожалуйста, Аркадий Михайлович, — то есть спутала меня сразу и с Коклюшкиным, и с Аркановым.

Я решил быть на том же уровне, расписался — М. Задорнов.

Она покраснела и сказала:

— Спасибо вам, Михаил Задорнович.

Я понял, что для многих мы, юмористы, все на одно лицо, как китайцы для европейцев.

Что ещё рассказать?.. Выступал в разных странах, везде на языке, понятном их жителям. И в Азербайджане, и в Киргизии, и в Казахстане, в Германии, Швейцарии, Израиле, Турции. Всюду меня понимали. Кроме Англии. Они, англичане, по-моему, плохо знают даже свой собственный язык.

Посудите сами. Я там, в Англии, месяц жил. Месяц с ними разговаривал по-английски — хоть бы кто понял. Я написал около четырехсот рассказов и монологов, напечатал 15 книг, написал 10 пьес, из которых две поставлены, по одному моему сценарию снят полнометражный фильм. Но самым своим популярным произведением считаю маленькую миниатюру. Она входит во многие сборники народного юмора.

Дело было в Ялте. Я вышел из гостиницы, у входа стояли мужчина и женщина. Видно, что они только что познакомились, и женщина кокетливо говорила:

— Сколько мне лет? Угадайте.

— Даже представить себе не могу.

— Ну, я вам подскажу, моя дочка ходит в детский садик.

— Она что, там заведующей работает?

И ещё один совет, который тоже напечатан в разных сборниках анекдотов

«Совет женщинам: сли вы хотите, чтобы он обратил на вас внимание и все время думал о вас, займите у него побольше денег и подольше не отдавайте».

ОТЧИМ

Звали его Ефим Вениаминович Бабинский. Он появился у нас в семье в 47 году. Маленький, сухонький — старший лейтенант. Он только недавно демобилизовался из армии. В маленьком городке на Украине погибла вся его семья — жена и ребёнок. Он приехал в Москву к своей сестре. Сестра познакомила его с моей мамой. Он пришёл к нам в гости в нашу 12-метровую комнату. Мама выбрасывала из шкафа одну за другой шляпы и смеялась: «Вот моё приданое». За полгода до этого к нам забрались воры и обчистили нашу комнату как следует. Так что приданое на шляпах и заканчивалось.

Дня через три он привёз мне детский велосипед. Стало ясно, что это мой будущий отчим. Мама была знакома с ним с детства. Давным-давно они жили в одном маленьком городке на Украине. Это ускорило события.

Через день после свадьбы он уже пришёл за мной в детский сад. Дядя Ефим, так я его называл, подошёл ко мне и сказал: «Ленька, пошли».

Потом всю дорогу он мучительно думал, что бы мне сказать, но так придумать и не смог. А может,

и не собирался. Он был довольно молчаливым человеком. Он никуда не мог устроиться на работу. В то время уже вовсю боролись с космополитами. Он был бухгалтером. Сначала его брали куда-то, но потом, посмотрев национальность, отказывали. Наконец мама устроила его к нашему родственнику в артель. В народе эти артели называли «золотое дно». В артелях делали ширпотреб и, естественно, часть его сплавляли налево. Время от времени артельщиков сажали, но моему отчиму удалось избежать этой печальной участи. У него были уникальные математические способности. Он быстро решал любые мои школьные задачи. И, наверное, он бы хорошо работал бухгалтером, но пришлось идти работать в артель, где он лет десять и проработал.

Тогда, в 47 году, отчим весил всего 48 кг, а мама весила 75. Сейчас, когда я пишу о них, то есть через 20 лет, отчим весит столько же, а мама слегка пополнила. Я люблю смотреть, как они вдвоём сидят у телевизора. Рядышком — на стульях. Если нарисовать вид сзади, то из-за спинки одного стула видны бока моей мамы. А над вторым стулом видно только голову моего отчима. Такой он худой. Они уже старенькие. Они смотрят телевизор каждый вечер. До тех пор, пока оба не заснут. Потом мама падает со стула и кричит с пола: «Ефим! Ефим! Подними же меня!»

Отчим просыпается, помогает ей подняться, а потом долго ворчит, что ему не дают спокойно посмотреть телевизор.

Мама моя любит посмеяться. Причём смеётся так, что слышно на соседних этажах. Отчим смеётся

редко, скорее усмехается, когда мама ругает его или если я попытаюсь его пощекотать.

Нам с ним очень трудно было найти общий язык. Играть со мной он не умел. Разве что в шашки. Шашки в то время были дефицитом, и мы с ним начертили доску на бумаге. Вместо белых шашек брали металлические военные пуговицы, а вместо чёрных — обычные пластмассовые. Вот в шашки мы и играли.

Когда во дворе ребята хвалились своими отцами, мне сказать было нечего. У Витьки Политова отец был моряком, можно было рассказывать о кораблях и морских сражениях. Виталька говорил, что его отец может что угодно стащить. А что было мне рассказать про отчима?

Когда у нас собирались гости, он, выпив, начинал рассказывать про войну, но это были очень странные истории. У него была феноменальная память. Он помнил каждый день войны. Можно было спросить: «А что было 2 января 1942 года?» — и отчим тут же рассказывал, как они в этот день переезжали из одного города в другой. Все его рассказы были о переездах. Он и на войне был бухгалтером. И ни о чём, кроме как о переездах, рассказать не мог.

Когда я во дворе попытался рассказать о его перемещениях, меня просто подняли на смех. «Твой дядя Ефим, видно, стрелял из-за угла из кривого ружья!» — сказал толстый дядька Василёк, который всю войну проработал на овощной базе. Тогда я стал рассказывать о том, что до войны отчим работал джигитом в цирке, и даже довольно складно пересказал его номер. Как они целым коллективом джигитов но-

сились по арене цирка и саблями на лету рассекали всякие штучки.

От того давнего периода у отчима осталась трогательная любовь к животным. Однажды он принёс домой маленького замурзанного котёнка. Котёнка помыли, высушили и начали кормить. Дня три всё было хорошо. Но на четвертый день мама дала ему сырого мяса. Котёнку мясо понравилось. Он стал жалобно мяукать, выпрашивая ещё. Мама швырнула ему второй кусок. Котёнок быстро его съел и замыкал снова. Мама не могла ему отказать и давала снова кусок за куском. Он мяукал до тех пор, пока не съел всё мясо. После этого он начал бегать по комнате и гадить. Гадил и мяукал. Мы остались без обеда. И когда вечером пришёл отчим, мама подняла крик и заявила, что котёнок останется у нас только через её труп.

— Чтобы духу его не было! — кричала она.

Утром отчим положил котёнка в портфель и, ужасно переживая, куда-то унёс его. Вечером он вернулся без портфеля. Мама устроила ему разнос, но он твёрдо стоял на своём: «Портфель потерял», — и всё. Мы с ним вышли во двор. Портфель лежал в кустах. Из портфеля на нас жалобно смотрел котёнок. Целую неделю отчим носил котёнка в портфеле на работу, а возвращаясь с работы, прятал его в кустах. По очереди мы подкармливали несчастного котёнка. Через неделю портфель стащили вместе с котёнком. О новом котёнке, конечно, не могло быть и речи.

У отчима была удивительная нежность ко всему живому. Он не мог убить даже простой мошки. Когда мы все вместе начинали ловить моль и мама кричала: «Ефим, вот же она, прихлопни её!» — он специально

мазал, хлопал по шкафу рядом и радостно говорил: «Улетела!»

Вот такие истории я выдумывал про своего отчима. Про то, как однажды он привёз из цирка пони, и этот пони жил у нас, и мы ходили с ведром за ним, чтобы пони не наделал на пол, иначе мама выгнала бы нас вместе с пони.

На самом деле мы с ним не разговаривали годами. Однако он содержал и меня, и маму, и по сравнению с другими нашими соседями мы жили, можно сказать, обеспеченно.

Однажды, году в 58-м, все эти артели прикрыли, и отчиму пришлось искать новую работу. Это было сложно. Его взял к себе его дальний родственник Вайнштейн. Взял на очень маленькую зарплату — 80 рублей. И мама пошла работать в гостиницу. Короче, вместе они получали 132 рубля. То есть доход у нас на одного человека был немногим больше сорока рублей. И когда я начал учиться в МАИ, мне давали стипендию даже с тройками. Но благодаря тому, что отчим работал в тресте Мосводоканал, мы в 67 году получили квартиру в новом доме. Аж целых 22 квадратных метра. И впервые за всю жизнь, в 27 лет, у меня появилась своя комната в целых восемь метров. Первое, что я сделал, — это поставил защёлку на свою дверь. Теперь я мог закрыться в своей комнате. И даже привести туда девушку.

Году в 73-м, когда мой отчим получал уже 180 рублей и мы снова стали жить прилично, поскольку я уже что-то зарабатывал, вдруг всё тот же Вайнштейн сказал отчиму, что ему пора уходить на пенсию. И тут я впервые увидел, как мой отчим плачет.

Он пришёл домой, сел за стол, опустил голову на руки и беззвучно рыдал. Мне было его ужасно жалко. Он был человеком незлым, довольно замкнутым, неразговорчивым, но не злым и не вредным. Он был странный. Маленький, очень быстро ходил, очень мало разговаривал, но ничего плохого никому не делал. Они прожили с мамой с 47-й по 74-й год. То есть — 27 лет...

Я вспоминаю его, как родного, и поминаю его ежедневно в своих молитвах. После этой нанесённой ему обиды он очень скоро умер. Мама очень долго и тяжело переживала.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я учился в третьем классе. Наши дворовые ребята уже основательно интересовались женским вопросом, а я был как будто ни при чём. Они были старше и встречались с девочками. У них это называлось «ходить с шалавой».

Однажды кто-то рассказал при мне: «Идёт один пацан на демонстрации с шалавой...» Я переспросил: «С флажком?» Все расхохотались. С тех пор у нас во дворе слово «шалава» заменили на слово «флажок».

И вот однажды наши ребята собрались идти к «флажкам». Самым главным в нашей компании был Вовка Мойсеев — любимец всех учительниц в школе, красивый, курносый мальчишка, первый футболист в нашем дворе. Он играл на «Искре» за команду мальчиков. Он был и самым сильным в нашем дворе среди младших. Мало того, что он сам мог по-

бить кого угодно, но ещё у него был старший брат — тот уж точно был грозой всего Ростокино.

Вместе с Моисеевым на дело шли Витька Андреев по прозвищу «Жирик», Валька Таборов — кличка «Килька». Килья жевал таблетки «сен-сен», явно рассчитывая сегодня целоваться. Кроме того, был ещё Юрка Лукьянов, одноногий парнишка с большим носом и полным карманом мелочи, выигранной в чёт-нечёт.

Меня взяли для выучки. Я в то время был полностью неосведомлён по всем женским вопросам. Например, я никак не мог поверить в Вовкину интерпретацию появления детей. А все остальные её отлично поняли и приняли. У всех у них были братья и сёстры, а у меня их не было. И все жили в маленьких комнатухах. И вот мы идём на первое в моей жизни свидание, и пусть это свидание не моё, но всё равно я возбуждён и оживлён, болтаю непрерывно и громко смеюсь.

Встречаться мы должны на Яузе, как раз в низине под нашим бугром.

«Флажки» должны прийти с другого берега Яузы через мостик. Мы спускаемся с бугра.

«Жирик» говорит:

— Сейчас встретимся и сразу, безо всяких там...

— Нет, — говорит Моисеев, — «Ля-ля» у нас свободный, пусть сигнал подаст — свистнет или платком махнёт, и тогда начнём.

«Ля-ля» — это я. Это моя кличка. Я всё время напеваю какие-то мелодии. Вот меня и зовут «Ля-ля».

Я радостно соглашаюсь подавать сигнал, хотя понятия не имею, что после этого будет.

Мы приходим на место встречи. Никого ещё нет.

— Так, — говорит Вовка, — моя «колдунья».

«Жирик» чуть не дерётся с Килей из-за какой-то Нинки. Наконец всех распределяют, а мне говорят:

— Какая останется — твоя.

Наконец появляются «флажки». Их четверо. Становится ясно, что мне никого не достанется. Они приближаются и робко останавливаются шагах в десяти от нас.

Мы подходим. Вовка за всех здоровается. Я рассматриваю девочек. Две мне сразу не понравились. Нинка, в общем, довольно симпатичная, но больше всех мне нравится «колдунья».

Она — в коротеньком платице. У неё вздёрнутый носик, быстрые глазки, и вся она такая весёлая и заводная. Ребята тихо подходят каждый к своей девочке. Вовка сразу удаляется с «колдуньей» в сторону. Она стоит на возвышении, и её фигурка видна мне на фоне неба, а вокруг её головы — луна. Вовка что-то рассказывает ей, а она заливается смехом.

Ребята тоже парами расходятся, а я остаюсь один. Тут я вспоминаю, что надо подавать сигнал. Я что есть мочи свищу, но они как будто не слышат. Тогда я вынимаю платок и машу им, но никто не обращает на меня внимания. Они все очень тихо и скромно стоят со своими «флажками», а я здесь просто лишний.

Я взбираюсь на наш бугор, оборачиваюсь, они по-прежнему мирно беседуют, и никто ничего не начинает.

Я иду во двор. Здесь мои ровесники играют в прятки. Я присоединяюсь к ним и забываю о своей неудаче. Водит Витька Политов. Все бегут прятаться.